

Научная статья

Московские мари́йцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры

DOI 10.31483/r-100695

УДК 811.511.151

Куцаева М.В.

ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»,

Москва, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Резюме: Статья посвящена проблеме поддержания и сохранения этнической культуры мари́йцев в условиях внутренней диаспоры. *Цель* статьи – выявить условия поддержания и определить перспективы сохранения этнической культуры мари́йцев в рамках интеграционных процессов в поликультурном пространстве мегаполиса. *Методы.* В 2019–2021 гг. автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в мари́йской диаспоре московского региона; выборка составила 106 респондентов (100 опрошенных принадлежат первому поколению мари́йской диаспоры, шесть – второму). Одним из аспектов обследования являлось изучение маркеров этнической идентичности в разных поколениях диаспоры. *Результаты.* На основе ответов, полученных в ходе интервью, стало очевидно, что мари́йская культура (знание и соблюдение традиционной обрядово-праздничной мари́йской культуры) является одним из основных маркеров этнической идентичности в первом поколении (третьим после малой родины и мари́йского языка). Во втором поколении респонденты демонстрируют остаточные знания этнической культуры в связи со слабой межпоколенной передачей мари́йского языка. Автором делается *вывод* о том, что для поддержания и сохранения этнической культуры в условиях диаспоры крайне необходимо поддержание этнического языка; вместе с тем, как показывает мировая практика ревитализации миноритарных языков, этническая культура может выступать источником приобщения к этническому языку, а позже и каналом поддержания языка.

Ключевые слова: мари́йский язык, этнический язык, этническая идентичность, внутренняя диаспора, московский регион, этническая культура, ревитализация миноритарных языков.

Для цитирования: Куцаева М.В. Московские мари́йцы: этническая культура в условиях внутренней диаспоры // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, № 4. – С. 6-21. DOI:10.31483/r-100695.

Research Article

Moscow Mari: Ethnic Culture in the Internal Diaspora

Marina V. Kutsaeva

ROR FPFIS "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences",
Moscow, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0002-0112-2961>, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Abstract: The article deals with the problem of maintaining and preserving Mari ethnic culture in the conditions of an internal diaspora. The *purpose* of the article is to identify the conditions for maintaining and to determine the prospects for preserving Moscow Maris' ethnic culture in Moscow's multicultural urban space. *Methods.* In 2019–2021, the author of the article conducted a sociolinguistic survey in the Mari diaspora of the Moscow region; the selective sample includes 106 respondents (100 respondents belong to the first generation of the Mari diaspora, six to the second). One of the aspects of the survey was to study markers of ethnic identity in two generations of the diaspora. *Results.* The results, obtained in the interviews, reveal that Mari culture (knowledge and observance of Mari traditions and customs) is one of the key markers of ethnic identity in the first generation (coming only third after the small homeland and the Mari language markers). Respondents in the second generation demonstrate remnant knowledge of ethnic cultural practices due to a weak intergenerational transmission of the Mari language. The author *concludes* that in order to preserve ethnic traditions and customs in the diaspora, it is extremely important to maintain an ethnic language; at the same time, as the world practice of revitalizing minority languages shows, ethnic culture can be viewed as a source of initiation into an ethnic language, and later become a channel for its maintenance.

Keywords: Mari language, ethnic language, ethnic identity, internal diaspora, Moscow region, ethnic culture, revitalization of minority languages.

For citation: Kutsaeva M.V. (2021). Moscow Mari: Ethnic Culture in the Internal Diaspora. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 3(4), 6-21. (in Russ.). DOI:10.31483/r-100695.

Введение

Мари́йцы являются автохтонным финно-угорским народом Среднего Поволжья. Занимая первоначально одну общую компактную территорию по среднему течению Волги [7, с. 221], со временем в силу исторических причин [подробнее об этом см.: 2; 9; 24; 25] мари́йцы активно мигрировали, в результате чего сформировались два основных ареала их проживания – первичный поволжский (средневолжский) и вторичный приуральский (камско-уральский) [25, с. 112], что, в свою очередь, привело к образованию трех субэтнических групп мари́йцев – горных, луговых, восточных

[22, с. 229] и выделению четырех наречий мари́йского языка – лугового, восточного, горного и северо-западного [8, с. 277].

В настоящее время мари́йцы отличаются сильной диаспоризацией: за пределами Республики Мари́й Эл, где проживают 290863 мари́йца, расселены 46,9% (256742 человека) от всего мари́йского населения Российской Федерации [4] как компактными (Республики Башкортостан, Татарстан, Кировская, Нижегородская, Свердловская области, Пермский край), так и дисперсными группами во многих регионах страны, в том числе и в московском.

Методы

Социолингвистическое обследование, посвященное выявлению и описанию функционирования этнического языка в условиях диаспорного проживания этнической группы, проводилось автором статьи в 2019–2021 гг. в московском регионе, где проживают 4655 марийцев [4], образуя на территории Российской Федерации так называемую внутреннюю диаспору за пределами основного места компактного проживания этноса [26, с. 57].

Выборка составила 106 человек, из них сто человек принадлежат первому поколению диаспоры и являются уроженцами Республики Марий Эл или мест компактного расселения марийцев (см. таблицу 1); шесть принадлежат второму поколению диаспоры. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических марийцев.

В таблице 2 представлена половозрастная структура выборки в первом поколении: в графах размещены данные, во-первых, по числу респондентов в каждой когорте; во-вторых, по соотношению мужчин и женщин внутри соответствующей когорты.

Таблица 1

Место рождения и проживания респондентов на малой родине

Место рождения респондента	Доля респондентов, в %
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13
Республика Башкортостан	18
Республика Татарстан	3
Кировская область	5
Свердловская область	2
районы дисперсного расселения марийцев	1

Таблица 2

Число респондентов в выборке по когортам в первом поколении

Возрастная когорта	22–30		31–40		41–50		51–60		61–70	
Число респондентов в когорте (муж. / жен.)	12	19	12	14	8	6	6	14	4	5

Таблица 3

Место рождения и проживания респондента на малой родине

Возрастная когорта	Марийская деревня	Поселок городского типа	Город
22–30	24	4	3
31–40	21	2	3
41–50	11	1	2
51–60	19	-	1
61–70	8	1	-

Во втором поколении возраст респондентов колеблется от 15 до 29 лет (трое мужчин и три женщины).

В таблице 3 приводится соотношение респондентов в выборке по когортам – выходцев из сельской и городской среды, включая поселки городского типа.

В ходе обследования использовался комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных [подробнее об опыте социолингвистического обследования см.: 12].

Отдельный блок вопросов анкеты был посвящен проблеме поддержания и сохранения этнической культуры в условиях диаспорного проживания. В частности, респондентам задавались вопросы о том, какие традиции и обычаи они соблюдают вдали от малой ро-

дины, какие знания о марийской традиционной культуре намерены передать (или уже передали) следующему поколению.

Результаты

Согласно результатам опроса, марийская культура (знание истории народа, традиций, обычаев, преданий, песен и танцев в терминологии опрошенных) является одним из основных маркеров этнической идентичности в выборке (третьим после «малой родины» и «марийского языка») [10, с. 126–127].

Этническая культура оказывает большое влияние на жизнь общества, выполняя, с одной стороны, этнодифференцирующую функцию в рамках оппозиции «мы – не мы», с другой стороны, – этноинтегрирующую функцию, способствуя осознанию членами этно-

социальной общности своего единства; благодаря чему происходит поддержание, качественное и количественное самовоспроизводство общества [23, с. 5]. Особое значение приобретает этническая культура в условиях диаспорного проживания группы.

Как было показано в [15] и [16], этническая музыкальная культура, связь с которой члены московской марийской диаспоры поддерживают как самостоятельно, так и коллективно, играет важную роль в сплочении московских марийцев и привлечении все новых членов марийской диаспоры, не позволяя им полностью ассимилироваться в поликультурном пространстве мегаполиса и способствуя сохранению их этнической и культурной идентичности. Песни на марийском, которые слушают опрошенные, крепко связаны с прошлым на малой родине, помогают адаптироваться в непростых социально-экономических и бытовых условиях мегаполиса в настоящем, поддерживать связь с этническим языком; послужат, по мнению респондентов, надежной духовной опорой в будущем [16, с. 17].

В выборке 81% опрошенных в первом поколении заявил о том, что в их повседневной московской жизни отводится место марийской традиционной кухне, 60% опрошенных соблюдают марийские традиции и обычаи.

В настоящей работе будут изучены вопросы поддержания и сохранения традиционной обрядово-праздничной культуры в условиях внутренней диаспоры в настоящем (1) и в будущем (2).

1. Поддержание этнической культуры в настоящее время

Функционирование и развитие этнической культуры зависит в том числе и от миграций, под влиянием которых меняется образ жизни, средства, способы и навыки жизнеобеспечения, связанные с ними элементы культуры, а также представления о мире [23, с. 5].

В параграфе 1.1 будет рассмотрено функционирование марийской традиционной кухни в повседневной жизни московских марийцев; в параграфе 1.2 речь пойдет о соблюдении респондентами традиционной обрядово-праздничной культуры в настоящее время.

1.1. Марийская традиционная кухня в повседневной жизни московских марийцев

Кухня марийцев – один из важнейших элементов культуры народа, вобравший в себя его многовековой рациональный опыт. Издавна марийцы занимались земледелием и животноводством, вследствие чего их пища базировалась на продуктах этих основных занятий. Несмотря на то, что в повседневном питании марийцев все больше места занимают блюда, не имеющие этнической специфики, распространенные у многих народов России, на праздники, а также в качестве гостевых блюд принято готовить национальные блюда [21, с. 89, с. 97–98]. В современном рационе питания марийцев сохраняются многие народные блюда, более устойчиво в сельской среде [17, с. 192]. Как показали результаты опроса в выборке, в повседневной жизни московские марийцы также отводят определенное место блюдам марийской кухни, в первую очередь это касается выходцев из сельской среды (в выборке в пер-

вом поколении доля уроженцев сельской местности составляет 83% (см. табл. 3)).

1.1.1. Марийские блюда: локальные особенности

В зависимости от субэтнической принадлежности опрошенных варьирует и набор типично марийских, в представлении респондентов, блюд, поскольку, с одной стороны, для марийцев характерна единая традиционная система питания и бытование одних и тех же блюд среди всего народа, с другой стороны, каждой этнографической группе присущи свои локальные особенности [21, с. 91].

Наиболее распространенными, а подчас и «ходовыми» блюдами традиционной кухни среди луговых марийцев в выборке являются *подкогыльо* ‘пирожки-вареники с творожной или мясной начинкой’, одно из старинных традиционных блюд, *перемеч* ‘ватрушки с начинкой из творога и картошки’, (*коман*) *мелна* ‘(трехслойные) блины’, без которых едва ли обходится праздничный стол [подробнее о традиционной кухне см.: 21]. «Ну это, конечно же, блины трехслойные. Блины трехслойные – *коман мелна*. Это просто классика жанра. Вот если, например, построить – как, например, «Макдональдс» – такой же марийский «Макдональдс», там должно быть в меню первое – *коман мелна*. Потом вот... второе. Второе это – *подкогыльо*. *Подкогыльо* тоже очень готовят. И также еще очень готовят вот эти с творогом которые...» (№81, М., 29)¹.

Представители старших когорт в выборке, выходцы из сельской среды, указывали на боалее широкий диапазон возможных блюд. «Готовим, конечно. Свое, национальное. Блины, *подкоголи*. *Мелна*, *коголя*. *Туара*², сырники в топленом масле. Кашу³ обязательно» (№4, Ж., 64). «Вареники называются у нас не варениками, а *тувыртыш когыльо*. *Подкоголи* – это вот современно как бы, а так в деревнях говорят *тувыртыш когыльо*. Это в городах так называют *подкоголи*, а у нас в деревнях мы так не называем, называют *тувыртыш когыльо*, или *тур когыльо* (№7, Ж., 56). Готовят в выборке также представители младших когорт, уроженцы сельской местности Республики Марий Эл. «Блюда я готовлю. Я готовлю вот эти пироги с картошкой, которые называются *перемеч*. Да, *перемеч* готовлю. *Салмамуно* – это как омлет. А готовлю, когда захочется покушать такое – и всё! (смеется). Просто мы привыкли. Мы вообще готовим вот эти вареники, *подкогыльо* называются. Я стараюсь готовить тут, да» (№77, Ж., 29) (см. рис. 1).

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводятся: 1) номер анкеты респондента; 2) пол респондента; 3) возраст респондента.

² Из творога делали небольшие сырники (*туара*) с добавлением яиц, топленого масла. Сырники клали поверх каравая хлеба и горки блинов, что было своеобразным символом сочетания двух традиционных занятий марийцев – земледелия и животноводства. Непочатый каравай хлеба с сырком (*туара*) являлся одним из обязательных атрибутов праздничного стола [21, с. 90–92].

³ К традиционным блюдам марийцев относятся каши (*пучымыш*) и жидкие каши (*немыр*) из различных круп, реже муки [21, с. 89].

Рис. 1. *Подкогыльо* – одно из наиболее распространенных и любимых блюд традиционной кухни луговых марийцев. Из личного архива М. Кожевниковой

Горным марийцам в выборке, по их свидетельству, доводится готовить *кавшита падкагыль*: «Это вот любимые вареники. Я все детство ела, у нас это блюдо как бы вот марийское с детства. Это вареник с капустой, причем капуста квашеная и потушенная. Сварить, слегка заправить, исключительно пахнущим маслом!» (№26, Ж., 60). «Ну, например, тот же наш пирог с квашеной капустой и с мясом. Вот в тот раз перед новым годом готовила. *Падкагыль*. И мы делаем с мясом и с капустой. Ну, это мамин рецепт и даже бабушкин. Готовлю. Я потом замораживаю в морозилке. Ну, конечно, вкус родины!» (№36, Ж., 28).

Для повседневного и праздничного меню респондентов в выборке, уроженцев Башкортостана, Татарстана, Свердловской области, как это ранее отмечалось в отношении восточных марийцев в [24, с. 210–227], с одной стороны, характерна приверженность традиционным блюдам, тождественным с поволжскими марийцами: опрошенные указали на приготовление таких блюд, как *подкогыльо* 'пирожки-вареники из мяса', *тувыртыш когыльо* 'пирожки-вареники из творога', *коман мелна* «слоеные блины», *перемеч* «ватрушки из пресного ярового теста». «Вареники у нас – не так, как обычные вареники, они сладкие делаются, у нас более соленые. Кто-то называет *подкогыль*. Но это общее такое название. А так – *торык когыль* у нас говорят. *Торык* – это творог, а *когыль* – это пирог. Так что дословно «творожный пирог» (№98, М., 60). С другой стороны, в

качестве любимых блюд в том числе ими были названы блюда, перенятые в результате длительных и тесных контактов с тюркскими народами Прикамья и Приуралья, такие как *кыстыви*⁴ (тат. *кыстыбий*), *туш*⁵ (тат. *тош*). Попутно укажем, что некоторые респонденты в выборке, уроженцы Моркинского района Республики Марий Эл, в котором проживает значительная доля татар в Республике, также отметили, что праздничным блюдом для них – в том числе в московском регионе – является *палыш* (тат. *бәлеш*). «Я обязательно, когда у нас Рождество, у нас это по-марийски называется *Шорыкйол*, у нас делают марийское блюдо *кыстыви*, я обязательно здесь делаю это *кыстыви*. Всегда. Даже в Москве. Каждый год» (№57, Ж., 38, Башкортостан). «Конечно, готовлю, блюда. *Подкогыли* – большие вареники из творога. *Перемечи* – с картошкой. И типа *чак-чак*. У татар немножко другой, а у нас круглый. *Чак-чак* называется, у нас это *туш* называется. У нас там рядом с татарами живем, у нас все блюда похожи. *Туш* – если переводить дословно – семечки. Мои очень любят, знаете! И татарский *чак-чак* я делаю, и марийский» (№29, Ж., 53, Башкортостан).

Свердловские марийцы (называют себя *Урал мари* «уральские марийцы» [17, с. 143]) отметили, что любимым блюдом для них являются *шанежки* 'ватрушки из кислого ржаного теста, шаньга' [24, с. 217]. «Мы очень часто делаем блюда, которыми нас кормили родители. Может, они не чисто марийские. Но тем не менее, мы считаем, что они марийские. Мы делаем картофельные шанежки. *Шаньга* называется. Обязательно. Потом мы делаем суп из домашней лапши. Мы считаем, что это чисто марийское блюдо. Это мы часто делаем, мы это любим. *Шүрө* называем. *Шүрө* – это как суп. И манты, конечно, делаем, потому как мы с татарами рядом жили. А еще нам привозят колбасу, когда забивают скотину, отдельно собирают, чистят кишки. Домашняя колбаса. По-марийски она называется *бюр сокта*» (№48, Ж., 51).

Как видим, для марийской культуры, ввиду сильной диаспоризации марийского этноса, характерно формирование локальных, присущих только для данной местности этнокультурных традиций, подчас более близких к традициям соседних этнических групп, нежели к своему материнскому этносу [17, с. 131].

⁴ Среди закамских мари широко распространилось *кыстыви*, характерное для татарской кухни. У марийцев оно представляло собой как бы незакрытый полностью по краю пирог из перегнутого пресного сочня с начинкой из пшенной каши, картофельного пюре. Это блюдо делали в выходные дни и праздники [24, с. 218].

⁵ Среди восточных марийцев популярны были вареные в масле на сковороде шарики из пшеничного или овсяного пресного теста, замешанного на яйцах и масле. Блюдо имело различные названия: *туш* у прибельских, *чак-чак* у икско-сюньских. Это кушанье считалось праздничным блюдом и подавалось к чаю. Подобные кушанья-лакомства, обваренные на масле или жиру в котле, характерны для татар и других тюркских народов, от которых восточные марийцы их заимствовали [24, с. 219].

1.1.2. Марийские блюда в московском регионе: общие аспекты

Несмотря на различия в предпочтениях традиционных блюд, что обусловлено в первую очередь принадлежностью респондентов той или иной субэтнической группе, московских марийцев многое объединяет.

Во-первых, отношение респондентов к приготовлению именно марийских блюд в условиях диаспоры едва ли будет безразличным. Каким бы ни было марийское кушанье – особым, праздничным, или, напротив, повседневным, ходовым блюдом, – его приготовление требует определенного настроя, более того – хорошего настроения. «Когда праздники и есть настроение. Без настроения – это не принято, это не принудительно» (№7, Ж., 56). «Готовим. *Подкогыль*. Не только на праздник, вот хочется сегодня – и сделаем!» (№5, Ж., 56). «Все делаю по настроению, в душе-то мы все равно марийцы!» (№8, Ж., 57). «*Перемеч* делаем. Настроение хорошее – и делаем!» (№83, Ж., 61).

Во-вторых, марийцы славятся своим гостеприимством; приезд гостей, сбор за столом всей семьи – хороший повод для приготовления быстрого, хотя, безусловно, требующего кулинарного мастерства, блюда: в качестве гостевых блюд нередко подают вареники с творогом (*подкогыль*), пекут блины [21, с. 92–93]]. «*Подкогыль* я очень люблю. Из нескольких сортов мяса, картошка, лук, все это перемешивается и делается *подкогыль*. Это еще с институтских времен. Наш преподаватель марийский моду ввел, и пошло у нас! Настроение – чтобы с тестом было возиться. Когда народ собирается, и нужна сытная и быстрая еда. Вот тогда идет *подкогыль*! Народу когда много» (№24, Ж., 61). «Вареники. Сейчас, дайте вспомнить, как это будет по-марийски. *Тувыртыш когыль*. Бывает, что раз в две недели. Да, у меня муж вареники любит. У меня и дети любят вареники, я и сама люблю. Ну, это особенное блюдо. Потому что я не так часто, во-первых, делаю. Ну, готовлю это блюдо. И поэтому, когда готовлю, конечно, приятно, очень приятно, что сейчас приготовлю, что родные оценят. Они от этого блюда в восторге! Дочку практически научила этому блюду» (№71, Ж., 47).

В-третьих, марийское блюдо в московском регионе, по мнению респондентов, несет в себе энергетику малой родины. «Здесь в Москве, так как я с Урала, то это наши марийские шанежки, это *шаньга* по-марийски. А так вот у русских – они тоже пекут шанежки. Но у марийцев они больше. У русских они как ватрушки, а у нас *шанежки*, они чуть больше, они как пицца, как картофельная пицца в русской печи и печные блины. Шанежки, конечно, можно и в духовке. Здесь чтобы испечь. Это мечта, это праздник! Ну, это выходные, допустим, суббота, воскресенье, когда у всех пекутся пироги. Мне нравится, когда в выходные запах печного, как у нас было в деревне. Выходной – это аромат печи, выпечки. Ну мы уже с соседкой договорились: “Ну вот когда мы уже будем печь твои *шанежки*?”» (№12, Ж., 50). «*Падкагыль* на Пасху. Для меня вареники – вроде как домашние, мама лепила» (№40, Ж., 48). «Это у нас каждый день! Мы делаем марийские национальные

блюда. Те же самые вареники, те же самые пироги – картошка с мясом. Я, конечно, готовлю. Готовлю именно то, что ел я в детстве. Уже какая-то ностальгическая примесь, безусловно. То, что касается национальных блюд, – это всегда хочется» (№98, М., 60).

В какой-то степени приготовление марийского блюда в московском регионе позволяет респондентам мысленно вернуться на малую родину, в детство, вспомнить родных. «Национальные блюда мы, конечно, готовим. Ну, вот эти *подкогыль*. Но не так часто, конечно! Это традиция тогда была семейная. Вот раньше, я помню, всей семьей садились за стол – у нас же огромная семья, одиннадцать детей, – мы садились и вот так вприпевочку, с песней, лепили, где-то с шуткой, смех, естественно, все это было так. В компании это и веселей, и интересней. И шутки, и смех, и тут и песни, и настроение! Мы все любили это. Это два в одном – и праздник, и работа. И удовольствие, и песни. И разговоры какие-то» (№104, М., 60). «У меня муж очень любит национальную марийскую кухню. Я научилась делать *подкогыли*, вареники с творогом. Наверное, это праздничное. Но мы – по настроению, мы каких-то праздников не делаем. Есть настроение – делаем! Да, вдвоем делаем. Ну, вот хорошее настроение! В этот момент всегда вспоминаются родители почему-то. Ну, свой деревенский дом. Как раньше было: «А мы раньше так делали». У каждой семьи свои традиции какие-то, свой способ лепки, готовки. Я про свой рассказываю, про свою семью, как раньше у меня в детстве было, муж рассказывает про свое, соответственно. Вот под такое настроение и делаем!» (№96, Ж., 28) (см. рис. 2).

Рис. 2. Приготовление марийского блюда в московском регионе – это всегда особенное настроение и настрой души. Из личного архива М. Кожевниковой

В-четвертых, рецепты блюд передаются в семье от поколения к поколению, особенно в сельской местности; подавляющее большинство респондентов, уроженцев сельской среды, знают, любят, готовят блюда марийской традиционной кухни. «Я делаю – на русском языке называются вареники – а у нас традиционно называется *подкогыль*. Леплю, делаю. Это еще с детства. Ведь мы жили в деревне и учились всему – поэтому» (№15, Ж., 33). В том случае, если рецепт по каким-то причинам утрачен, опрошенные пытаются его восстановить: обращаются к интернет-источникам («Рецепты в интернете – заходишь в интернет!») (№2, М., 33) или звонят родным, проживающим на малой родине. «Если я не знаю, то звоню маме, как там делать это или то. Да, у меня бывает такое желание что-то приготовить. И вот тогда я звоню маме и говорю: “Мама, я вот столько-столько взяла. Сколько еще?” Ну, вот как-то так у нас!» (№14, Ж., 33). «Есть такое блюдо, с детства ели. Вот я специально приготовил, привез, только сделать мы не можем пока. Это называется по-русски толокно, а по-марийски *нушто*⁶. Это берется зерно, которое два-три месяца уже после уборки, варится в чане с соленой водой. Потом высушивается на солнце, потом только перемалывается. И крупно... крупным помолом. И все – в кипящую воду бросают. Ну там недолго готовится. Все убрали, и там получается такая коричневатая масса. Вот с детства нас кормили. Например, рукой берешь вот эту массу, и это как пластилин становится. Вот детям раздавали такими кусками. Уже все забыли, как готовят! Мне давно хотелось: ну лет тридцать, наверное, мне было. В мыслях-мыслях. А так вот довести, привезти чтобы – никак решительности не хватало! Теперь я все нашел, как это делают, сейчас вот до конца довел. Их вручную перебрать надо, чтобы ни одного камушка не было. Все целые зерна только перебираешь. И вот сейчас привезли зерно, перебирали сколько времени! И они сейчас в банках стоят, надо довести до ума. Зерна перебирали всей семьей. Там очень просто времени заняло на это всё! Мы в детстве вообще понятия об этом не имели, нам только в готовом виде приносили. Как готовят – даже никто не знает! Даже взрослые – кто остался уже. По восемьдесят лет, они знают, как готовить. Рецепт нашли через знакомого знакомых, в общем. Они там немножко отличаются, как готовится. Просто у дедушки – он на мельнице, только в мельнице такой грубый помол получается. А в домашних условиях они блендерами делают. Все с детства у нас ели, а как и чего готовить – не знают! Ой, интереса очень много теперь: “Ой, молодцы!”. Сразу поддерживают: “Как это додумался до этого!”» (№72, М., 45).

Исходя из приведённых выше цитат, у читателя может сложиться впечатление, что готовят в марийской диаспоре исключительно женщины. Действительно, среди респондентов мужчин младших возраст-

ных когорт также бытует мнение, что «из марийской женщины в основном готовят» (№74, М., 28), однако мужчины средних и старших когорт в выборке также рассказывали о том, что им нравится готовить вообще и марийские блюда в частности; одни не уточняли, какие именно блюда они предпочитают, другие делились подробностями. «Сам готовлю. *Подкогыли* называются, это творог с луком соленые. Не сладкие вареники, а соленые! В квартал два-три раза готовлю. Весной, когда праздники, едим. Я обычно много делаю, потом замораживаем, заготавливаем, потом по месяцу едим. *Перемеч* можно приготовить, но это уже реже, потому что это уже посложней. Ну, свои блины, понятно, делаем. *Мелна*, да, это они» (№25, М., 69). «Мы с младшим сыном живем. Мы готовим сами. Бывает, что и свое готовим. Вареники давно не делаем. Ну а вот, блинчики, и так далее. Но это уже импровизация больше. На марийский лад. Настроение какое? Ну это когда жрать охота! (смеется). Ну а так – это вот вдруг захотелось, в душе... как-то!» (№49, М., 52).

Наконец, отметим категорию опрошенных в выборке, в повседневной московской жизни которых нет места марийской традиционной кухне (это же в полной мере относится и к тем, кто не соблюдает обрядово-праздничную культуру (см. 1.2.2.)).

Во-первых, это уроженцы Кировской области – региона, издавна отличающегося смешанным марийско-русским составом населения. На протяжении XIX столетия приток русских переселенцев в Санчуро-Яранский район был интенсивным, вследствие чего коренные марийцы оказались в численном меньшинстве, разделенными на несколько территориально обособленных групп, подверглись значительному обрусению [9, с. 287]. Процесс дальнейшей русификации значительно усилился в советское время. «Блюда – вот блины, очень нравились мне с картошкой и «трехэтажные» у нас называли их. Ага, *коман мелна*, а вот мы называли «трехэтажные». Ну, они для нас так перевели, для детей. Я – нет, не умею. Я помогала, помню, их делать. Сейчас у меня почему-то даже мама не делает. Была, когда вот с бабушкой. С бабушками делали. Мама уже не делает. А еще *подкогыли* эти были – и всё. Ну сейчас уже, по-моему, ничего не делают» (№76, М., 38).

Во-вторых, это выходцы из городской среды как Республики Марий Эл (г. Йошкар-Ола), так и мест компактного проживания марийцев (в частности, в выборке – уроженка Уфы) в том случае, если в семье городских жителей была утрачена тесная связь с селом, «которое остается центром сосредоточения народных традиций и знаний» [5, с. 160]. «У нас нет традиций особых. У нас все русифицировано было в моей семье» (№33, Ж., 27).

В-третьих, это достаточно молодые респонденты в выборке, характер работы которых (например, разъездной) не позволяет им уделять много времени быту, а также некоторые опрошенные среднего и старшего возраста, находящиеся в этнически смешанном браке.

В-четвертых, препятствием для приготовления истинно марийских блюд служат определенные бытовые трудности: «Ну, я знаю блюда, которые мы постоянно готовим дома, а так как я живу в общежитии, мне не очень удобно это

⁶ К числу традиционной повседневной пищи марийцев относится и толокно (*нушто*); употреблялось в пищу с маслом, которое наливалось в углубление в середине блюда, толокно замешивали также на простокваше, иногда со сметаной [24, с. 219].

делать. Возможно, если я жила бы в квартире, я бы смогла что-то приготовить, потому что я рецепты знаю. Ну, пироги, которые пекут. *Перемеч*» (№79, Ж., 22).

Однако самым главным препятствием, по мнению опрошенных, служит отсутствие печи – об этом заявили 12% опрошенных в первом поколении. «Из марийского здесь у нас ... да нет. Марийские все блюда, они все связаны с печкой. И чтобы здесь... ну это какая-то пародия получается просто! В духовке – ну, не знаю, это какая-то бездуховная пища!» (№81, М., 29). Встреча с марийской традиционной кухней, как правило, для респондентов имеет место на малой родине. «Блюда – это не здесь, это больше у мамы. И ностальгия, когда домой едешь. Заказываешь там блины из печи. Пироги из печи. Эта еще каша из печи. Когда еще картошка запеченная с куриным, свиным жиром. Но это у меня все ностальгия по бабушке просто вот – это мое детство. Мама. Бабушка» (№41, Ж., 29). Печь *конга* имеет тесную связь с повседневным бытом, обычаями и обрядами мари [1, с. 321]. «Нет, к сожалению, ничего такого марийского мы не делаем, все-таки именно марийско-марийское – приезжаешь на родину. У меня, например, мать, допустим, все марийское-марийское готовит. Даже не что-нибудь, а вот практически постоянно приготовит. Опять-таки какие-то простые вещи. Но у нас до сих пор стоит печка, хотя и газовое оборудование, и электрическое оборудование обогревает. Но печку они все-таки оставили, ну в плане, что ... “Почему, – говорят, – вы внуков хотите этого лишить?”» (№71, М., 28) [о трансформациях, коснувшихся традиционных поселений и жилищ марийцев в XX веке см.: 20].

Часть респондентов заявили о том, что не готовят ничего марийского в московском регионе, поскольку проживают одни: «Конечно, да, соблюдаю. Но это только у родителей. Сейчас здесь я, так как одна, в принципе не готовлю никому. Но хотелось бы продолжать делать наши традиционные блюда. Да, конечно, умею. Все те блюда, которые готовили наши бабушки. Конечно, *кыравец*⁷ умею» (№60, Ж., 30). Как было указано выше, приготовление блюд в соответствии с марийскими обычаями часто происходит в большой и дружной компании.

Впрочем, вопрос преодоления ситуации одиночества в мегаполисе частично снимается в условиях диаспорного проживания: по инициативе московского землячества и отдельных активных членов марийской диаспоры проводятся встречи и мастер-классы, в программу которых входит приготовление блюд национальной марийской кухни. Для участников подобных мероприятий, объединяющих, как правило, представителей разных субэтнических групп, это, с одной стороны, прекрасная возможность узнать локальные варианты рецептов блюд, знакомых с детства, обменяться опытом. «Начинаешь же лепить: «Вот у нас в Башкирии так. Бывает же, что в гости ходишь тоже к марийцам, но с Марий Эл, вот. И когда начинаешь их вместе делать, все такое: “Вот знаешь, вот так, а у нас вот так!”» (№98, М., 60). «Мы вот собираемся со своими земляками

в Москве. Да, бывает, что готовим. Вареники у нас свои местные. Да, сама умею. Ой, есть и у нас, и из Марий Эл, и еще из разных других регионов. У нас разное! С Марий Эла кто, у них другие немножко. А у нас свои немножко. Вот мы делаем с творогом, но соленые. С творогом, с луком, с зеленью. Соленые. А вот в Марий Эле готовят: творог и картошку смешивают начинку. Мне скорее всего свои больше роднее (улыбается). Для них наши тоже новинка такая, они так не делают ведь» (№85, Ж., 30). С другой стороны, мастер-классы (к примеру, в рамках проекта «Моско марий тўвыра рўдер» («Центр притяжения марийской культуры в г. Москве»)) – это шанс приобщиться в целом к марийской культуре, особенно для тех, кто был этой возможности по каким-то причинам лишен, но очень хотел бы в полной мере восстановить свою этническую идентичность (уроженцы городской среды, мест компактного проживания мари в выборке, лица, рожденные в этнически смешанном браке). «Нас мама как бы не подготовила, не приучила к национальным блюдам. Не было их как-то. Все от мамы. И потом... марийские блюда, это, те, кто из деревень больше. А я была в деревне приездами-наездами, я не помню. Ну и сейчас вот какие-то мероприятия проходят, мне это все в новинку иногда. Интересно. Ну вот блины... *коман мелне*, по-моему. Я их тоже первый раз, между прочим, попробовала. В этот раз я была на мастер-классе, в духовке делали. У меня просто пока времени не было, но надо освободиться от всего и прямо попробовать, даже без начинки, хотя бы вот эти лепешки! Как блины они называются» (№19, Ж., 53).

Мероприятия этнокультурной направленности, регулярно организованные в Москве, также способствуют тому, что марийцы, проживающие в московском регионе, в определенный момент реактивируют свои знания этнической культуры. «Я дома, к сожалению, редко готовлю. Бывает марийское. Но очень редко! Так, это были ватрушки. Как раз-таки я готовилась к съемкам передачи «Вечерняя Москва», тогда нужно было принести что-то национальное. Блюдо какое-то. И я приготовила ватрушки национальные» (№32, Ж., 37). «Вот я недавно выступала на телевидении, готовила первый раз. Наш *коман мелна*. Сама лично! Это было московское телевидение. Я там как раз о марийцах рассказывала. Я до этого не умела это блюдо готовить. Я открыла... все рецепты сейчас есть в интернете. Есть разные варианты, но, конечно, я позволила своей маме. Моя мама – повар, она сразу мне подсказала, как все это сделать, как это все замесить. Свои нюансы рассказала. Я дома сделала и принесла. Очень даже было вкусно, я сама даже удивилась!» (№45, Ж., 35). В октябре 2021 г. в рамках фестиваля «Дружная Москва» участники проекта «Моско марий тўвыра рўдер» с большим воодушевлением представляли марийскую традиционную кухню. Впрочем, нередко, кажется, респонденты распространяют знания о марийской кухне, придают вкус к кулинарным блюдам малой родины и по собственной инициативе. «А вареники – вареники могу делать. Либо *перемеч*, типа как шаньги. Не знаю, хочется так иногда... готовить, вспомнить. Я люблю кого-нибудь пригласить, типа вот сказать: “Вот смотрите, это марийское блюдо!”. И причем вот у меня некоторые подружки русские, они готовят так, как я их научила. То есть это все-таки распространяется, какая-то культура. Я тихонь-

⁷ Круглый пирог *кыравец* с начинкой из мяса в качестве праздничного кушанья известен среди горных и ветлужских марийцев. *Кыравец* был заимствован ими от местных русских, у которых он назывался караваец [17, с. 186].

ко. Я не давлю, я так – тихонечко! (смеется). Тут давить нельзя, а просто так, чтобы человек заинтересовался, там спросил. Это тоже очень интересует людей! Просто показать, что это тоже интересно!» (№82, Ж., 32).

Таким образом, условия диаспорного проживания, безусловно, влияют на отношение опрошенных к марийской традиционной кухне. С одной стороны, им не удастся так часто, как это хотелось бы, готовить марийские блюда в мегаполисе; с другой стороны, всякий раз, когда такая возможность им представляется, встреча с марийскими кушаньями не оставляет опрошенных равнодушными, напоминая им о детстве, старших родственниках, малой родине.

1.2. Традиционная обрядово-праздничная культура в повседневной жизни московских марийцев

Праздники, один из наиболее устойчивых и важных компонентов культуры, обеспечивают передачу традиций от одного поколения к другому, укрепляют дружеские и родственные связи, объединяют людей в единый социальный организм [5, с. 158].

1.2.1. Становление и развитие марийской традиционной культуры

Неотъемлемой частью общественного быта марийского народа были календарно-трудовые, престольные (храмовые), местные деревенские праздники. Празднества сочетали общинное и семейно-родовое моление, производственно-магические обряды, гуляния, встречи с застольем, игры и развлечения [17, с. 264].

Проникновение в марийские праздники христианских элементов началось во времена деятельности специальной комиссии новокрещенских дел, учрежденной по указу императрицы Анны Иоанновны, для «обращения иноверцев в Казанской епархии», в православную веру, когда марийцы стали выдавать свои празднества и обрядовые элементы за разрешенные церковью праздники. Так, празднование середины зимы с выюговоями дедом *Покишым кугыза* и бабкой *Покишым кува* превратилось в святочные игры *Шорык йол* («Овечья нога»); *Сорта чўктыш*, день зажжения поминальной свечи, приходящийся на Пасху, стал *Кугече* («Великий день»); *Семык*, устраиваемый в честь почитания духа предков, стал православным праздником *Семик*. В итоге это породило «великую путаницу», «в которой черемисин едва ли виновен» [Кузнецов, цит. по: 3, с. 41].

Коренное преобразование традиционной праздничной обрядности произошло после Октябрьской революции: несмотря на то, что народные праздники в сельской местности продолжали отмечаться, шел процесс становления новой обрядности, в частности, праздничный календарь пополнился праздником *Пеледыш пайрем* (*Праздник цветов*)⁸ [17, с. 276].

⁸ Этот праздник, первоначально задуманный как *Йошкар пеледыш пайрем* «праздник красных цветов» был введен в 1920 г. в праздничный календарь вместо *Семыка*, отмечаемого в начале лета, в любимое народом время года, в качестве «дня пропаганды новой Советской власти». Однако с 1930 г. праздник был отменен ввиду развернувшейся в те годы борьбы с «буржуазными националистами» и возобновился лишь в 1965 г. Для марийского народа *Пеледыш пайрем* превратился со временем в главный праздник, причудливо соединивший в себе черты отмечаемых и поныне *Агавайрема*, *Семыка* и *Сўрема* [3, с. 43].

Особенностями народной культуры советского периода являлись трансформация и модернизация, связанные с общими социально-экономическими, историческими и политическими процессами в СССР [19, с. 3]. Заметно возросший интерес к культуре и традициям своего народа, возрождение некоторых праздников и обычаев, исследователи связывают с переменами, произошедшими в обществе в 1990 гг. [6, с. 121–122].

В сегодняшней праздничной культуре марийцев сохраняются такие праздники, как *Шорыкйол*, *Агавайрем*, *Семык*, *Сўрем*, *Угинде*, *У пучымыш*, выражающие душу и дух народа, являющиеся своеобразным его культурным кодом [3, с. 43]. Традиционные марийские праздники сохраняются в основном в сельской местности, именно село остается то базой, где сосредотачиваются различные формы народной культуры: хорошо функционируют такие элементы традиционной праздничной обрядности, как песни, танцы, обрядовая еда, гостевание, предпраздничная подготовка жилища и двора, некоторые виды магических действий [6, с. 121–122].

В быту горожан-марийцев традиционные народные праздники также занимают определенное место, однако степень их сохранности различна; традиционная праздничная обрядность в большей мере удерживается у той части городского населения, которая поддерживает традиционные устои в семье и в ней есть носители этих традиций. В настоящее время наиболее значимыми в быту у городских марийцев народными праздниками являются *Шортйол*⁹ «Новый год, Святки», *Ўярня* «Масленица», *Кугече* «Пасха» [5, с. 160–161].

Современные марийские диаспоры, компактно проживающие в Нижегородской, Кировской, Свердловской областях, Республиках Татарстан и Башкортостан, ориентируются на развивающуюся в Республике Марий Эл национальную культуру, пытаются сохранить свою этническую идентичность, развить самобытную марийскую культуру и тем самым предотвратить культурную ассимиляцию [17, с. 144] (см. рис. 3).

Таким образом, несмотря на сложные преобразования, марийцы продолжают отмечать свои праздники, сохраняя национальные черты, местное своеобразие и традиционные элементы праздничной культуры [6, с. 131].

1.2.2. Традиционная обрядово-праздничная культура в жизни московских марийцев

В ходе социолингвистического обследования респондентам был задан вопрос о том, какие элементы традиционной обрядово-праздничной культуры они соблюдают в московском регионе. 60% опрошенных в первом поколении заявили о том, что им доводится отмечать в том числе и марийские праздники.

⁹ В ходе публикации первых марийских календарей – в том числе в целях рубрикации народной праздничной культуры – В.М. Васильев, один из составителей, назвал *Шорыкйол*, *Шортйол* по характерному хрусту январского снега шорт [3, с. 42]. Этот праздник проводился в период зимнего солнцестояния, завершая старый и начиная новый земледельческий год; в дни праздника готовилась обрядовая еда, выполнялся комплекс магических действий, ритуалов, молений, направленных на обеспечение благополучия семьи, хозяйства, увеличение будущего урожая [17, с. 265].

Рис. 3. Марийцы, проживающие в московском регионе, стремятся сохранить свою самобытную культуру. Из личного архива А. Сабуровой

Наиболее популярными в выборке являются *Пеледыш пайрем* 'Праздник цветов' (25,4%), *Шорыкйол* 'Новый год, Рождество' – в терминологии опрошенных) (23,7%), *Кугече* 'Пасха' (23,7%). Опрошенными также были указаны такие праздники как Троица, Ильин день, родительская суббота (на каждый праздник пришлось по 6,7% ответов), отдельно были названы престольные праздники и Петров день (по 3,3% ответов) [подробнее об особенностях проведения праздников см.: 17, с. 264–286].

Необходимо, во-первых, сделать следующее замечание: тогда как одна часть респондентов воспринимает праздники, которые они отмечают, заведомо марийскими, традиционными, национальными, другая часть, хотя и незначительная, полагает, что эти праздники являются православными, а значит, в понимании респондентов, русскими, общероссийскими.

К первым в выборке относятся луговые и восточные марийцы. «По-русски же вот Пасха, а у нас *Кугече*, например. Уже как-то всегда вот родители, бабушка с дедушкой, как-то что-то делали, как вот перед тем, как сесть за стол, они там что-то говорили, тоже я пытаюсь. На марийском. Традиционные разные блюда я тоже люблю делать» (№88, Ж., 40). «Да. Есть. Вот этот, как его, вот Пасха марийская. Скоро вот будет. Я буду блинчики печь. Блины печь. Свечку зажигать. Звать

ушедших. Чай им наливать. Яйца покрашу или сварю просто, если не успею покрасить. Отмечать марийскую Пасху» (№94, Ж., 36). «У нас бывает Пасха. Вот Троица. Да, соблюдаю, по мере возможности, да. Конечно, я не ставлю свечки или еще что-то, ну нельзя здесь, в другом месте, ставить свечки – там пусть, на родине, ставят. А так – да, какие-то вот моменты. Ну, конечно, я это помню. И если вот есть возможность, там, например, летом, на Троицу, договориться с отпуском, я постараюсь поехать туда. Мне это интересно, потому что в этом я, наверное, росла – поэтому!» (№82, Ж., 32).

Ко вторым относятся преимущественно горные марийцы: «Какие-то чисто марийские праздники, имеете в виду? Вроде бы нету. Такие чисто русские праздники» (№44, М., 29). «Нет, такого нет, чтобы чисто марийские праздники отмечаем» (№58, М., 31). В большей степени это связано с тем, что горные марийцы исповедуют православие: «Ну, бывает, да. Эти... всегда православные праздники. У нас то же самое, да. На праздники тоже выезжаем туда» (№56, М., 52). Кроме того, в этой категории есть и некоторые луговые марийцы, принявшие православие: «На самом деле мы крещеные, мы все праздники отмечаем, как русские. И Пасху тоже в том числе» (№11, Ж., 27), а также кировские марийцы в выборке: «У нас, наверное, это все православное. Не знаю. Чего-то было, наверное, раньше в Кикнуре. Сейчас сложно сказать» (№39, М., 29).

Очевидно, что восприятие опрошенными праздников как «чисто марийских» или, напротив, «православных, русских» коррелирует с религиозной принадлежностью респондентов в выборке. Луговые и восточные мари, приверженцы марийской традиционной веры (*чимарий* 'некрещеные мари'), а также так называемые двоеверцы [подробнее об этом см.: 17, с. 301–302], идентифицируют праздники в качестве своих, марийских. Крещеные марийцы (горные, часть луговых, а также уроженцы Кировской области, где марийское население составляет всего лишь 2,3% от общей численности населения области [17, с. 143], (см. также цитату респондента: «Мы в русском регионе живем» (№39, М., 29), считают эти праздники православными и не выделяют их в качестве особых, марийских.

Во-вторых, корреляция, отмеченная нами в 1.1.1, между субэтнической принадлежностью респондентов и типичным набором традиционных марийских блюд, находит свое отражение и в празднично-обрядовой культуре, составной частью которой эти кушанья зачастую являются.

Приведем несколько примеров с указанием в скобках субэтнической принадлежности респондента. «У нас на Рождество сюрпризы делают все. Вот вареники. Вкладывают туда сюрпризы и кому что попадет. Вареники делают, монетку кладут туда или, например, палочку. Если попадет палочка, то ты, типа, будешь лентяем весь год. Если попадет тебе денежка, то ты будешь богатым в следующем году. А потом на Рождество обычно собираются всей семьей, как у нас происходит, кидают орехи. Все дети и взрослые собирают орехи. Это называется – *Шартял*. Не знаю насчет лугомарийцев, но, вроде, у них такого нет. Вареники

с сюрпризом – это очень забавно, детям очень нравится. Даже сейчас мне очень это нравится, и мы всегда это делаем. Видимо, это из семьи моей мамы. Он так делает. И ее сестры делают. Думаю, тоже освою это!» (№43, Ж., 25, горномарийка). «*Шорыкийол* мы отмечали раньше. Я сама-то не одевалась, ну как *мочдор*, ну, как они – не суженые, а ряженные. Ряженные еще ходили в этих вот масках. Я боялась почему-то, а в деревне ходили, да. Еще кричали, палкой чего-то они били, ну так, в игровой форме, их гостинцами угощали, боялись их. С седьмого по четырнадцатое мы даже боялись по улице ходить. Да, потому что вот эти ряженные в сугроб тебя плюхнут! В детстве было, я это помню. Они зашли как-то, если не закроешь калитку или дверь, они зайдут. Мы как-то забыли закрыть, помню это! Они зашли, мы так испугались, что стали кричать! От неожиданности! (смеется). Они ведь такие страшные, вот это... Нынче мне тоже говорили, что тоже там к маме, например... Там брат живет. Вместе с братом живут, у него семья. К ним заходили. Они гостинец давали, мой там племянник был. Он маленький, четыре года, он же не понимает. «О, – говорит, – медведи пришли!» (№77, Ж., 27, луговая марийка).

«Потом, когда у нас Пасха, если у русских – они отмечают это в воскресенье, у нас – мы начинаем это в четверг. У марийцев в основном в четверг весь этот обычай. В воскресенье у нас обычно идут в баню, чистую одежду одевают, блины пекут и после того только, как ты сходишь в баню, можно есть блины. И вот этот обычай я тоже соблюдаю. И всех отправляю сначала в душ, а потом уже я пеку блины, и мы едим. Все – не все, но основные традиции соблюдаю» (№57, Ж., 38, восточная марийка). «Ну, конечно. Это поминовение усопших. У нас это типа Масленицы есть. *Кугече*, как Пасха русская, православная. *Семык* – это типа Троицы. Я не попадаю на эти праздники. Обычно я всегда оказываюсь в Москве. Но раньше в Москве я свечки ставила. В этот день я не работаю, нам не положено работать. Стирать, полы мыть нельзя, как всегда, в такие праздники. Заранее готовишься, убираешься. Мне об этом сестры говорят, я с ними часто общаюсь. Они говорят» (№29, Ж., 53).

В-третьих, как видим, особое место отводится опрошенными праздничной обрядности, поскольку не всем респондентам удастся выезжать на малую родину и отмечать праздники именно там. В соблюдении праздничной обрядности велика заслуга старших родственников, в том числе проживающих на малой родине: они напоминают респондентам о том или ином обычае или ритуале. Совершая разнообразные ритуалы, обряды и обычаи в кругу семьи, родители невольно приучают своих детей к традициям своего народа; знания, полученные в семье, прочно закрепляются, превращаясь в привычки и нормы поведения [6, с. 122]. «Скорее всего с учебой не получается [выехать], потому что праздники бывают посередине недели, в будние недели, и никак не получается. Скорее всего, мне говорят родители, что сегодня такой праздник. Или через неделю такой праздник. И нужно вот это, вот это сделать. Ну, они будут делать. Они расскажут, что они будут делать.

Ну, что вот через неделю у нас такой-то праздник, нужно приготовить хороший стол, растопить баню – то же самое» (№79, Ж., 22). «А так обычно мама напоминает: сегодня вот такой-то день, надо поставить свечку. Или вот сегодня такой-то день – нельзя мыть полы» (№61, Ж., 33). «Праздники. Ну здесь, конечно, нет. Но у меня в основном мама подсказывает. Допустим, у нас же есть там какие-то определенные марийские праздники, да. То есть, допустим, стирать там нельзя. И вот она мне звонит и говорит там, что сегодня нельзя стирать. Ой, там много разных праздников! Это на ... *Кугече* называется. Всякие такие. Масленица – *Ўярня*. На нее все можно сделать! А *Кугече* – это Пасха, мне кажется. Да, соблюдаю. Но это бывает редко очень. Но вот как раз на Пасху, мне кажется» (№74, М., 28). Действительно, в марийском праздничном комплексе большое значение придается подготовке к празднику: перед праздником обязательно наводили порядок, особенно перед большими праздниками – Масленицей (*Ўярня*), Пасхой (*Кугече*), Семиком (*Семык*), Рождеством (*Шорыкийол*); накануне праздников вечером или рано утром по обычаю топили баню и мылись, очищая свое тело. В наши дни эти компоненты праздника сохраняются у большинства сельчан, однако наведению порядка в доме уделяют внимание и городские жители [6, с. 124].

В-четвертых, особое место в жизни диаспоры занимает праздник *Пеледыш пайрем* 'Праздник цветов'. Этот праздник [подробнее см.: 17, с. 285] ощущается именно как марийский даже теми респондентами (в частности, горномарийцами) в выборке, кто считает, что остальные праздники совпадают с русскими. Для этого общемарийского в сознании респондентов праздника при этом характерны различные номинации. «Конечно, как и в русской культуре, есть общее что-то, есть местечковое. Вот, допустим, после сельскохозяйственных работ проходит всегда праздник. У нас он назывался *Агавайрем*, *ага* – это поле. Это праздник поля. Потому что у нас больше такая сельская культура. Район. В Йошкар-Оле, в республике, он называется *Пеледыш пайрем*: *пеледыш* – это цветок, фестиваль цветов. Хотя он приурочен к одному и тому же. Это в июне после завершения сельскохозяйственных работ» (№12, Ж., 50, уральские мари). «Ну если только *Пеледыш Айо* – единственный праздник, других я не знаю, какие марийские еще» (№89, Ж., 30, горные мари). *Пеледыш пайрем* ежегодно с широким размахом отмечается не только в Республике Марий Эл, но и в местах компактного проживания марийцев, а также в других регионах, например, в Москве [17, с. 286] (см. рис. 4).

Мероприятие привлекает внимание московских марийцев, дарит радость встречи и общения с земляками. «Я вела мероприятие [Пеледыш пайрем]. В конце говорю фразу: «Ребята, вы вообще чувствуете, что вы сейчас в Москве?». Все такие: «Нет!». – «У вас есть ощущение, что мы все в Йошкар-Оле?» – «Да!». Настолько была такая великолепная обстановка!» (№89, Ж., 30). Многие участники праздника приходят в марийской традиционной одежде, которая становится все более популярной в диаспорной среде (хотя еще совсем недавно она сохранялась преимущественно среди

Рис. 4. Особое место в жизни московских мариЙцев занимает *Пеледыш пайрем* («Праздник цветов»). Из личного архива Ю. Смуглой

сельских жителей [17, с. 281]. Кроме того, участие в мероприятии служит своеобразной инициацией в мир традиционной мариЙской культуры для тех респондентов, кто был по каким-то причинам с ним не знаком в полной мере и в настоящее время восстанавливает свою этническую идентичность. «Была на *Пеледыш пайреме* в 2019 г. И там был конкурс, надо было принести мариЙское блюдо. Какое-то национальное. И я тогда сама себе пообещала! Там было много моих родных, друзей. И я им всем пообещала вслух, что я обязательно научусь делать *коман мелна*» (№50, Ж., 53).

Таким образом, сохранение и поддержание, в том числе в диаспорной среде, традиционной мариЙской культуры, обычаев и традиций позволяет сохранить национальное своеобразие и выполняет этнообъединяющую и этноконсолидирующую роль [17, с. 286].

2. Сохранение этнической культуры в будущем

Исследователи полагают, что в настоящее время существует надежда на сохранение самобытной мариЙской культуры в городских условиях, однако для этого «старшему поколению необходимо приложить все усилия, чтобы молодежь была ориентирована на традиционную культуру и поддерживала, развивала ее» [5, с. 163].

В 2.1 будет рассмотрен вопрос передачи знаний о мариЙской традиционной культуре следующему поколению: в некоторой степени это надежды и чаяния респондентов первого поколения в выборке. В 2.2 будет освещен вопрос тех знаний о народной культуре, которые в итоге получают и имеют в действительности представители второго поколения в диаспорной среде.

2.1. Передача знаний о мариЙской традиционной культуре следующему поколению

Опрошенным в первом поколении в выборке был задан вопрос о том, хотели бы они передать знания о мариЙской культуре следующему поколению. В подавляющем большинстве случаев (95%) респонденты ответили утвердительно, 3% – отрицательно (в выборке это лица, состоящие в этнически смешанном браке), 2% затруднились с ответом.

Вопрос о том, что именно хотели бы передать или уже передали те, кто ответил утвердительно, был открытым; многими было предложено несколько ответов – от самых общих (культура, традиции, обычаи) до более детализированных (песни, рецепты, вышивка и т. д.). Всего было получено 122 ответа (см. таблицу 4).

Таблица 4

Передача знаний о традиционной мариЙской культуре в первом поколении

Критерий	Количество ответов
культура, традиции, обряды, атрибутика	33
блюда, рецепты	16
история, легенды, мифы, герои	16
песни	16
место на малой родине	14
праздники	12
мариЙская вера, отношение к природе	7
танцы	7
вышивка	1

Наибольшее число ответов пришлось на культуру. Надо сказать, однако, что ответы в данной категории одинаково принадлежат как тем, кто хотел бы передать глубинные знания детям («Это будет какая-то культура наша внутренняя» (№20, Ж., 41)), так и лицам, кто рассчитывает на «поверхностно-ознакомительное изучение»: «Ну как бы хотелось, чтобы они знали. Но поверхностно, наверное. Ключевые моменты, возможно. Культура, например» (№95, Ж., 27). «Атрибутика. Такие вот энциклопедические знания» (№47, М., 30).

Пожалуй, более детализированные ответы позволят читателю получить представление о том, какие именно культурные составляющие респонденты считают важными лично для себя и намерены передать следующему поколению.

Наиболее популярными следует признать блюда, историю, песни. В первых двух категориях, как это было ранее отмечено нами в отношении представителей чувашской диаспоры московского региона [14, с. 197–198], наблюдается достаточно четкая гендерная дистрибуция. Передача блюд традиционной мариЙской кухни закрепляется за женщинами («Конечно, они все умеют. Специально их не учила *подкогыли* готовить, но они всегда помогали. Конечно, это же все от матери переходит. Это естественное, как само собой разумеющееся» (№105, Ж., 62) (см. рис. 5).

Рис. 5. Задача по передаче блюд традиционной марийской кухни следующему поколению закрепляется в основном за женщинами. Из личного архива М. Кожевниковой

Задачу по передаче знаний об истории марийского народа, знакомство с мифами и легендами в большей мере берут на себя мужчины в выборке. «Конечно, как минимум историю своего народа, историю своего края, откуда у меня родители» (№10, М., 29). «Ну да. О своих национальных героях рассказать» (№23, М., 44). Что касается критерия «песни», то две трети опрошенных в этой категории составляют женщины, одну треть – мужчины [подробнее о бытовании марийской песенной культуры в диаспоре см. также: 16].

Приблизительно одинаковое соотношение мужчин и женщин наблюдается среди тех, кто указал «место на малой родине», однако преимущественно, независимо от пола, это лица, активно владеющие этническим языком, выходцы из сельской среды. Впрочем, некоторое количество ответов приходится и на долю тех, кто пассивно или очень слабо владеет марийским языком, но сохраняет привязанность к марийской деревне в том числе. «Если бы передал... Скорее это будет что-то такое нематериальное, ощущения, отношение к тому месту, где прошло мое детство, какое-то восприятие этой точки земли, этой природы. Что-то такое вот неодушевленное. А не какой-то рецепт или умение знать какие-то слова. Скорее ощущения. Такие вот вещи» (№55, М., 39).

Праздники в выборке упомянули главным образом женщины разных возрастных когорт, причем именно с позиций обрядово-праздничной культуры, которую они соблюдают и в домашней сфере: «Ну вот эти традиции марийские которые, вот все эти праздники – *Сүрем*¹⁰, *Кугече*, *Пасха*, например. Если я сама эти

¹⁰ *Сүрем* отмечался в самый разгар лета, около христианского Петрова дня (12 июля), в некоторых местах слился с ним. Основным отличием от других праздников было изгнание шайтана (*сүрем мужо*) и проведение большого моления с жертвоприношением в роще *сүрем ото*. Праздник имел важное религиозное значение и сопровождался сложными церемониями; в культовых представлениях, связанных с проведением праздника, проявляется почитание дерева, земли [17, с. 274].

традиции знаю, почему бы и не передать!» (№77, Ж., 27). Мужчины, которые считают важным передать знания о народной праздничной культуре, связывают этот процесс с погружением в культурное пространство московской диаспоры. «Я младшую дочь брал на марийские наши вечера. Посиделки в Москве здесь» (№52, М., 56).

5,7% ответов в выборке пришлось на «веру, природу» [подробнее о религиозных верованиях марийцев и глубокой связи религиозных представлений мари с природой см.: 17, с. 287–302; 18]. «Конечно, буду. Это отношение, больше, наверное, связанное с религией. Потому что я буду говорить не именно, что вот «веровать надо в это, веровать надо в то». Нет, не такие официальные моменты. Вот, допустим, самое скверное для марийцев – это осквернять воду. Ну, кидать туда грязь, мусор, всё, что угодно. Вот это во мне очень сильно закреплено, и я то же самое буду передавать своему сыну. И рассказывать откуда это пошло, может быть» (№53, Ж., 30).

Столько же ответов в выборке (5,7% от общего числа) пришлось на танцы. Песни и танцы, достояние марийской культуры и неотъемлемая часть праздников, имеют древнее происхождение. В прошлом они были связаны с трудовыми процессами и языческими обрядами, однако в современном бытовании танцы уже не привязаны к обрядам и присутствуют на праздничных увеселениях как один из элементов народного творчества, как символ национального своеобразия [6, с. 129]. «Хотелось бы. Глобально – это то, чтобы ребенок тоже вместе со мной посетил однажды праздник *Пеледыш пайрем*, чтобы научился национальному танцу с дробью вот этой марийской, и чтобы у него был тоже интерес и было уважение к марийской национальной культуре» (№39, М., 31).

В категории тех, кто хотел бы передать знания о культуре следующему поколению, шесть человек, однако, выразили сожаление о том, что им по какой-то причине не удалось этого сделать (ситуация миграции в прошлом; слабые знания о марийской культуре, которые они сами когда-то приобрели и теперь в зрелом возрасте пытаются восстановить; этнически смешанный брак, неприятие со стороны детей). «Вы знаете, это получается на автомате, и я упустила. Мы уехали тогда далеко. Он маленький был, может, у него в сознании что-то было, а потом забылось. Они же – мы же все люди впитываем, впитываем, потом выдаем, выдаем. Особенно дети. Конечно, они знают, что они марийцы. Вот так вот. Думаю, что особенно больше-то и не знают [о культуре]. Были бы в Марийской республике, больше контактировали бы» (№26, Ж., 60). «Хотел, но они не хотят» (№16, М., 47). Впрочем, некоторые опрошенные все же не оставляют надежду, что когда-то в будущем они преуспеют в своих начинаниях. «Да, хочу. Сейчас они, конечно, не очень-то. Они придут к этому, обязательно придут. Потому что те знания, которые у меня есть, они довольно глубокие» (№28, М., 47).

Из приведенных выше цитат можно заключить, что намерения представителей первого поколения передать детям знания об этнической культуре в действительности несколько корректируются в условиях диаспорного проживания группы (см. также 2.2.).

2.2. Знания об этнической культуре во втором поколении в диаспоре

Второе поколение в выборке представлено шестью респондентами¹¹.

В выборке двое респондентов из шести заявили о том, что им доводится готовить традиционные марийские блюда в московском регионе, помогать маме; четверо связывают марийскую кухню исключительно с марийской деревней и бабушкой, которая там жила. Среди блюд были названы *перемеч*, *подкогыльо*, *коман мелна* и *шанежки*. «Здесь нет такого. Обычно когда в деревню приезжаем. Там сестра мамы готовит блины в печи. Ну там такие блины, знаете, типа с крупой, толстые. Мне нравится» (№93, М., 17).

Что касается знания респондентами марийской традиционной культуры, три человека отметили праздники (*Пеледыш пайрем*, *Агавайрем*). Третий респондент затруднился с названием праздника: «Есть такой марийский праздник, не помню какой, но мы очень хорошо его отмечаем. Как раз в апреле. Ну что-то типа Пасхи, но чуть-чуть по-другому» (№84, Ж., 16). Два ответа пришли также на марийские песни, которые так или иначе звучат или звучали на домашних застольях. В категории «традиции» один человек упомянул также веру («У нас сохранилась языческая вера» (№62, М., 29)), другой – обычаи. «Был на свадьбе своей сестры. Марийской. Да, там вот в традициях было. Одежда была традиционная, но не у всех. Были тети, они наряжались в этот костюм, были мужики, которые играли на гармонии, они тоже одевали такой костюм. И женщины, они песни пели, а мужики играли. Ну вот я еще помню, что там типа как барабан, только берут какой-то предмет, натягивают шкуру какого-то животного то есть, и до свадьбы нельзя стучать. Я как-то попытался, уже взял палку, хотел постучать, но сказали, что до свадьбы нельзя стучать. Типа плохая примета. И в общем, по свадьбам именно этим предметом пользуются. А жених был из Моркинского района, если вам это что-то говорит. Так вот у них там такая традиция: мы приехали к ним после того, как он у нас был, и они нас не отпускали до полуночи или до часу ночи, потому что вроде традиция какая-то есть. То есть мы, все сонные, еле смогли уехать оттуда! Если пригласят, то, наверное, пошел бы еще. Но если меня повезут в деревню, если будет такая возможность, если родители пойдут. Пойду, потому что делать там дома нечего» (№93, М., 17) [подробнее о свадебных обрядах мари см.: 17, с. 227–243].

¹¹ Слабая на данном этапе репрезентативность выборки объясняется, в том числе и тем, что респонденты первого поколения в подавляющем большинстве случаев не могли предоставить контакты своих детей, сесту, например, на сильную занятость дочери или отсутствие времени у сына. Причина кроется еще и в том, что члены диаспоры во втором поколении являются «русскими марийцами», «безязыковыми марийцами», «марийцами без языка» (в терминологии опрошенных). Даже в том случае, если ребенок родился в семье, где оба родителя марийцы или один из родителей – мариец, а второй является представителем другой национальности (не русским), нередко можно услышать: «Он у меня русский. Он не знает марийского языка». Как мы указывали в [10, с. 145], в марийской среде бытует выражение *марий ватын руш ўдыржб* (другой вариант – *мари куван руш ўдыржб*) ‘русская дочка марийской женщины’ и *марий ватын руш эргыже* ‘русский сын марийской женщины’, что служит косвенным подтверждением того, что с утратой языка происходит постепенная смена этнической идентичности.

Что касается владения респондентами этническим языком, укажем на то, что все они имеют пассивное знание марийского языка, приобретенное в марийской деревне летом, а также во внутрисемейном общении дома в московском регионе, где им доводится слушать разговоры старших членов семьи, которые нередко общаются между собой на марийском. В настоящее время в повседневном общении лишь один опрошенный, самый старший в выборке, старается использовать в том числе и марийский язык, однако осознание ценности языка пришло к нему не сразу, а лишь по достижении «сознательного возраста, двадцати пяти лет» (№62, М., 29); остальные, по их словам, либо не видят смысла в том, чтобы говорить на марийском, либо считают, что станут объектом насмешек со стороны взрослых, если вдруг начнут практиковать марийский язык [подробнее о проблеме новых носителей марийского см. также: 11].

Очевидно, что с вымыванием из языковых биографий респондентов этнического языка (как это нередко случается в условиях миграции и диаспорного проживания) постепенно видоизменяется или утрачивается этнокультурная составляющая их идентичности (хотя, безусловно, границы группы, внутри которых заключена культура, сохраняются несколько дольше [28, с. 126].

Обсуждение

В своей совокупности культура представляет информацию, верования, ценности и навыки, которые требуются индивиду для обмена и использования в обществе и ситуациях, в которых он существует. В настоящее время в определении «культуры» в первую очередь подчеркивается когнитивный элемент: для того, чтобы ее изучить, культуру необходимо передавать, и общество, которому не удастся передать будущим поколениям свои знания, не в состоянии воспроизвести само себя. Этот трюизм напрямую подводит нас к менее очевидному заключению, а именно что любая теория культуры – это неизбежно теория коммуникации, структур и функций системы социального знания и практик, которые его конкретизируют. Коммуникативные практики, через которые передается культура, в свою очередь являются частью культуры [32, с. 39–40].

Конкретные языки соотносятся с конкретными культурами и с сопутствующими им культурными идентичностями на уровне действия, знания и бытования. Поскольку значительная часть каждой этнокультуры выражается лингвистически, постольку большинство этнокультурных поведений невозможно представить без их выражения посредством определенного языка, с которым эти поведения традиционно ассоциируются. Образование, юридическая система, религиозные верования и ритуалы, литература, фольклор, философия морали и этики, не говоря уже о совокупности межличностных взаимодействий (детская социализация, установление дружеских и родственных связей, приветствия, шутки, песни, благословения и проклятия и пр.) не только лингвистически выражаются, но обычно реализуются в любой момент времени посредством конкретного языка, в котором эти виды деятельности изначально сформировались, и теперь идентифицируются и ассоциируются – из поколения в поколение.

Многие «действия» этнокультурной принадлежности соотносятся с особыми этнокультурными «знаниями». Система цветов, терминология болезней, термины родства, частей тела, система счисления и пр.

представляют особые этнокультурные интерпретации реальности. В качестве таковых они являются индикатором того, какими знаниями обладает та или иная культура, использующая соответствующий и традиционно ассоциируемый с ней язык. «Бытование» представляет собой саму межпоколенную связь, телесную связь между поколениями посредством которой, как полагают, передается особая «сущность». Таким образом, традиционно ассоциируемый с группой язык – это не просто инструмент коммуникации для его культуры. Такому языку придается неизмеримо большее значение, чем просто языкам в целом или языковой способности, которой наделены все люди. Такой язык часто рассматривается в качестве особого дара, маркера идентичности и особой ответственности по отношению к будущим поколениям [29, с. 3–5].

Этнический язык выступает, таким образом, проводником в этническую культуру. Однако и культура в свою очередь может выступать проводником в этнический язык.

Подростки, по наблюдению представителей первого поколения в выборке, нередко теряют интерес к марийской культуре, который они испытывали прежде, в младшем дошкольном и школьном возрасте. Респонденты тем не менее хотели бы передать знания о культуре детям, однако это удастся им с трудом ввиду того, что: 1) межпоколенная передача языка слабая; 2) действующие в культурном поле московского региона проекты, нацеленные на поддержание этнической марийской культуры, не отвечают запросам подростковой культуры. Между тем, для поддержания позитивного отношения к миноритарному языку требуется постоянный пересмотр и модернизация доступных культурных форм, непрерывная их реинтерпретация на миноритарном языке. Дискотеки, рок-группы и проч. становятся не менее важными, чем традиционные культурные формы. Подростки, которые принимают активное участие в культурных мероприятиях на этническом языке, вероятнее всего сохраняют позитивное отношение и к языку, и в этом смысле вопрос о vitalности этнического языка может быть связан именно с возможностью дать спасительную инъекцию подростковой культуре [27, с. 101, с. 136–137] (подробнее об этом см.: 13, с. 53–54).

Особой категорией в выборке являются так называемые новые носители марийского языка [подробнее см.: 11], для которых русский является функционально первым языком, но которые хотели бы расширить использование своего этнического языка (в выборке это преимущественно представители первого поколения, уроженцы городской среды Республики Марий Эл и мест компактного проживания, в прошлом – учащиеся *русских* классов). Поскольку язык глубоко связан с культурой [31, с. 59], ревитализация языка часто идет рука об руку с ревитализацией культуры, и связь с прошлым обеспечивает трамплин для создания будущих форм культуры [30, с. 12], особенно в ситуации, когда в языковом сообществе родители не могут или не смогли по какой-то причине передать детям в естественной среде внутрисемейного общения этнический язык, но при этом в сообществе пока еще живы старшие, более пожилые его представители, для которых этот язык является основным.

К сожалению, проекты, действующие в московском регионе и нацеленные на поддержание марийской традиционной культуры, не используют в полной мере заложенный в них языковой потенциал. Вместе с тем, как показывает мировая практика ревитализации миноритарных языков

(марийский в московском регионе априори может быть категоризирован в качестве такового), этническая культура может выступать источником приобщения к этническому языку, а позже и каналом его поддержания.

В частности, программа «Мастер – Ученик», впервые апробированная в 1992 г. в Калифорнии в качестве возможной меры по ревитализации автохтонных языков в регионе и с тех пор используемая в разных уголках мира, на наш взгляд, может быть также реализована и в марийской диаспоре московского региона. Цель программы заключается в том, что язык изучается Учеником в неформальной обстановке, в ходе осуществления вместе с Мастером (как правило, пожилым представителем языкового сообщества) какой-то практической, традиционной для данного сообщества деятельности (например, садоводство, кулинария и проч.). Этнический язык становится неотъемлемой частью изучения этого вида деятельности в целом. В структуре Программы заложен ряд ключевых принципов, в частности запрет на использование мажоритарного языка; использование изучаемого миноритарного языка в устной форме; обучение языку в реальных жизненных ситуациях, в ходе осуществления практической деятельности с использованием в том числе невербальных средств общения. Соблюдение принципов способствует тому, что изучение языка и обучение языку происходят в условиях погружения, которые почти полностью повторяют естественную среду изучения языка детьми (в отличие, например, от искусственных условий в классе) [31, с. 60–63].

В московском регионе погружение в этническую культуру на регулярной основе было бы прекрасным способом поддержания и этнического языка, тем более что такой запрос диаспора, кажется, могла бы удовлетворить. В ходе обследования один из респондентов заявил следующее: «Моя вышивка... тоже делает меня марийкой. Своей дочери это чуть-чуть передала, она любит вышивать. Ну да, мне кажется, у меня дочь тоже в этом живет. Вот, смотрите, вышивка – у горных – стежки у горных мельче, потому что покупная ткань там же нитки мельче, чем у дмотканой ткани. Даже если посмотришь, даже не подумаешь, что это вышивка, как будто ткань! Я все время поражаюсь! Образцы у меня из бабушкиных сундуков. С наших, своих. Раньше ведь только мастерицы считались хорошими невестами! Я сама планирую, конечно, мастер-классы по вышивке» (№21, Ж., 52)». Автор статьи выражает надежду на то, что активисты в самом обозримом будущем смогут не только удовлетворить запросы тех, кто хотел бы поделиться секретами традиционного мастерства, но и потребности тех, кто действительно хотел бы выучить этнический язык. Именно в такой среде, где в ходе совместной деятельности общаются Мастер и Ученик (обычно взрослый), выстраиваются крепкие связи с представителем поколения, для которого этнический язык действительно является основным. Эти связи простираются далеко за пределы самого языка (этот принцип относится к большей части или ко всем усилиям по ревитализации), что позволяет восстановить связь между поколениями и выступает гарантом сплоченности в сообществе. В этом смысле подобные усилия направлены не только в прошлое, но и в будущее [30, с. 12–13]. Связь с прошлым для молодых и более взрослых носителей не может быть сама по себе достаточной мотивацией, при этом стремление понять историю и наследие – это важный элемент для построения или возвращения себе идентичности.

Список литературы

1. Байдимиров Д.А. Печь в представлении народа мари: традиции и современность // Национальная культура в социальном пространстве и времени: материалы V Межрегиональной научно-практической конференции «Ййван Кырла лудмаш». – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории; Мар. гос. ун-т, 2019. – С. 318–321.
2. Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 660 с.
3. Бушков Р.А. Рубрикация народной праздничной культуры в первых марийских календарях // Финно-угроведение. – 2018. – №59. – С. 40–44.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 25.11.2021).
5. Калинина О.А. Праздники в современном быту городских марийцев // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2011. – С. 158–163.
6. Калинина О.А. Традиционная праздничная обрядность в современной жизни марийцев // Этническая культура марийцев (традиции и современность). – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2002. – С. 121–132.
7. Коведяева Е.И. Лугово-восточный марийский язык // Языки народов СССР: Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. – М., 1966. – С. 221–240.
8. Коведяева Е.И. Марийский луговосточный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. 2 / Е.И. Коведяева, И.А. Николаева. – М., 2001. – С. 274–283.
9. Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 344 с.
10. Куцаева М.В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. – 2020. – №2. – С. 124–150.
11. Куцаева М.В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. – 2021. – №2. – С. 13–42.
12. Куцаева М.В. Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре московского региона // Малые языки в большой лингвистике. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020. – С. 104–111.
13. Куцаева М.В. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – №3. – С. 49–58.
14. Куцаева М.В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 312 с.
15. Куцаева М.В. Этническая музыкальная культура московских мари (I) // Этническая культура. – 2020. – № 2 (3). – С. 24–30. – ISSN 2713-1688. doi:10.31483/r-75842
16. Куцаева М.В. Этническая музыкальная культура московских мари (II) // Этническая культура. – 2020. – № 3 (4). – С. 11–18. – ISSN 2713-1688. doi:10.31483/r-75887.
17. Марийцы. Историко-этнографические очерки. – 2 изд., доп. – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2013. – 480 с.
18. Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения марийской традиционной религии» (25 июня 2020 г.) // Финно-угроведение, 2020. – №1. – С. 143–212.
19. Молотова Т.Л. Введение / Т.Л. Молотова, Н.Ф. Мокшин // Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2002. – С. 3–4.
20. Молотова Т.Л. Развитие поселений и жилищ марийцев в 80–90-е годы XX века / Т.Л. Молотова, Г.А. Сепеев // Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2002. – С. 64–75.
21. Молотова Т.Л. Современная пища и утварь марийцев / Т.Л. Молотова, Г.А. Сепеев // Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2002. – С. 89–102.
22. Петров В.Н. Марийцы // Народы России. – М.: Больш. Росс. энцикл., 1994. – С. 229–231.
23. Попов Н.С. Предисловие // Этническая культура марийцев (традиции и современность). – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2002. – С. 5–7.
24. Сепеев Г.А. Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. – 247 с.
25. Сепеев Г.А. История расселения марийцев. – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 2006. – 198 с.
26. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М.: [б. и.], 2006. – 312 с.
27. Baker C. Attitudes and Language. – Clevedon: Multilingual Matters, 1992. – 173 p.
28. Edwards J. Multilingualism. – London, New York: Routledge, 1994. – 256 p.
29. Fishman J. Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective. – Clevedon: Multilingual Matters, 2001. – 503 p.
30. Grenoble Lenore A. Why Revitalize? In Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 331 p.
31. Grenoble Lenore A. & Whaley, Lindsay J. Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 885 p.
32. Riley P. Language, Culture and identity: An Ethnolinguistic Perspective. London: Continuum, 2007. – 265 p.

References

1. Baidimirov, D. A. (2019). Pech' v predstavlenii naroda mari: traditsii i sovremennost'. Natsional'naiia kul'tura v sotsial'nom prostranstve i vremeni: materialy V Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Iyvan Kyrla ludmash", Ioshkar, , 318-321.
2. Bakhtin, A. G. (2012). Mariiskii krai v XIII-XVI vekakh., 660. Ioshkar-Ola: Mar. gos. un-t.
3. Bushkov, R. A. (2018). Editorial classification of folk holiday culture in the first Mari calendars. *Finno-ugrovedenie*, 59, 40-44.
4. Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda. Retrieved from https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf
5. Kalinina, O. A. (2011). Prazdniki v sovremennom bytu gorodskikh mariitsev. *Razvitie gumanitarnykh issledovaniy v Respublike Marii El*, Ioshkar, , 158-163.
6. Kalinina, O. A. (2002). Traditsionnaia prazdnichnaia obriadnost' v sovremennoi zhizni mariitsev. *Etnicheskaia kul'tura mariitsev (traditsii i sovremennost')*, Ioshkar, , 121-132.
7. Kovediaeva, E. I. (1966). Lugovo-vostochnyi mariiskii iazyk. *Iazyki narodov SSSR: Finno-ugorskie i samodiiskie iazyki*. T. 3, 221-240. M.
8. Kovediaeva, E. I. (2001). Mariiskii lugovovostochnyi iazyk. *Iazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv*. T. 2, 274-283. M.
9. Kozlova, K. I. (1978). *Ocherki etnicheskoi istorii mariiskogo naroda.*, 344. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.
10. Kutsaeva, M. V. (2020). Maris in Moscow: Diaspora ethnic identity and language loyalty. *Rodnoi iazyk*, 2, 124-150.
11. Kutsaeva, M. V. (2021). New Mari Speakers as a Factor of an Ethnic Language Maintenance in Moscow Region Mari Diaspora Group. *Rodnoi iazyk*, 2, 13-42.
12. Kutsaeva, M. V. (2020). Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniia v mariiskoi diaspole moskovskogo regiona. *Malye iazyki v bol'shoi lingvistike*, 104-111. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.
13. Kutsaeva, M. V. (2021). Early ethnic language acquisition in Moscow region Mari diaspora. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 3, 49-58.
14. Kutsaeva, M. V. (2020). Funktsionirovanie etnicheskogo iazyka v chuvashskoi diaspole moskovskogo regiona. M.; SPb.: Nestor-Istoriia.
15. Kutsaeva M.V. (2020). Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (I). *Ethnic Culture*, 2(3), 24-30. (in Russ.). doi:10.31483/r-75842.
16. Kutsaeva M.V. (2021). Moscow Mari: Ethnic Culture in the Internal Diaspora. *Ethnic Culture*, 3(4). (in Russ.). ISSN 2713-1688. doi:10.31483/r-75887.
17. Mariitsy. *Istoriko-etnograficheskie ocherki.*, 480.
18. (2020). Materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye voprosy izucheniia mariiskoi traditsionnoi religii" (25 iunია 2020 g.). - 1, S. 143. *Finno-ugrovedenie*.
19. Molotova, T. L., & Mokshin, N. F. (2002). Vvedenie. *Sovremennaia etnicheskaia kul'tura finno-ugrov Povolzh'ia i Priural'ia*, Ioshkar, , 3-4.
20. Molotova, T. L., & Sepeev, G. A. (2002). Razvitie poselenii i zhilishch mariitsev v 80-90-e gody XX veka. *Sovremennaia etnicheskaia kul'tura finno-ugrov Povolzh'ia i Priural'ia*, Ioshkar, , 64-75.
21. Molotova, T. L., & Sepeev, G. A. (2002). *Sovremennaia pishcha i utvar' mariitsev. Sovremennaia etnicheskaia kul'tura finno-ugrov Povolzh'ia i Priural'ia*, Ioshkar, , 89-102.
22. Petrov, V. N. (1994). *Mariitsy. Narody Rossii*, 229-231. M.: Bol'sh. Ross. enitsikl.
23. Popov, N. S. (2002). Predislovie. *Etnicheskaia kul'tura mariitsev (traditsii i sovremennost')*, Ioshkar, , 5-7.
24. Sepeev, G. A. (1975). *Vostochnye mariitsy: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noi kul'tury (seredina XIX., 247. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo.*
25. Sepeev, G. A. *Istoriia rasseleniia mariitsev.*, 198.
26. Mikhal'chenko, V. Iu. *Glossary of Sociolinguistic Terms*, 312.
27. Baker, C. (1992). *Attitudes and Language*. Clevedon: Multilingual Matters.
28. Edwards, J. (1994). *Multilingualism*. New York: Routledge.
29. Fishman, J. (2001). *Can Threatened Languages Be Saved? Reversing Language Shift Revisited: A 21st Century Perspective*. Clevedon: Multilingual Matters.
30. Lenore, A. (2021). *Grenoble Why Revitalize? In Revitalizing Endangered Languages: A Practical Guide*. Cambridge: Cambridge University Press.
31. Lenore, A., & Lindsay, J. (2006). *Grenoble & Whaley, Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Riley, P. *Language, Culture and identity: An Ethnolinguistic Perspective*. London: Continuum, 2007.

Информация об авторе

Куцаева Марина Васильевна – канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Marina V. Kutsaeva – candidate of philological sciences, research fellow, FPFIS "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 30.11.2021

Принята к публикации / Accepted 22.12.2021

Опубликована / Published 27.12.2021